

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НОРМАТИВНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ С АЛЬТЕРНАТИВНЫМ ИЗЛОЖЕНИЕМ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Сальников Николай Вячеславович

старший преподаватель, Университет прокуратуры
Российской Федерации (г. Москва)
n.v.salnikov@mail.ru

ON THE PECULIARITIES OF THE NORMATIVE CONSTRUCTION OF CRIMINAL LAW PROHIBITIONS WITH AN ALTERNATIVE PRESENTATION OF THE SIGNS OF THE CORPUS DELICTI

N. Salnikov

Summary. The article is devoted to the analysis of the features of the normative construction of the elements of crimes with alternative signs in the domestic criminal law. The paper notes the prevalence of constructions of criminal law prohibitions, in which the description of criminal manifestations of prohibited behavior allows us to judge an alternative presentation of the signs of the corpus delicti. It is stated that the process of constructing compositions of crimes with alternative signs requires the legislator to take into account both the general grounds for criminalizing acts and compliance with special conditions related to assessing the stability and stability of combinations of criminalized variants of committing a criminal offense, as well as assessing the public danger of possible combinations of such options. Failure to comply with such conditions should be considered as ignoring the criminological grounds for constructing the corpus delicti.

Keywords: the composition of the crime, the construction of the corpus delicti, the compositions of crimes with alternative signs.

Суверенностью можно констатировать, что от качества работы, направленной на придание содержанию воли законодателя нормативной формы, зависит эффективность использования создаваемых правовых предписаний. Напротив, проблемы применения той или иной правовой нормы зачастую обусловлены именно дефектами ее законодательного изложения.

Учитывая необходимость обеспечения оптимального закрепления в уголовном законе запрета различных по своей сути, но близких в уголовно-правовом значении и обладающих схожими характеристиками вариантов криминального поведения, перед законодателем возникают вопросы необходимости создания соответствующих правотворческих механизмов. Решается данная задача зачастую благодаря описанию признаков преступления в диспозиции уголовно-правовой нормы посредством альтернативного изложения (например, деяния в диспозиции ч. 1 ст. 137 УК РФ — «незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни», последствия в диспозиции ч. 1 ст. 217 УК РФ — «причинение тяжкого вреда здоровью человека либо

крупного ущерба», специальные субъекты в ч. 1 ст. 202 УК РФ — «использование частным нотариусом или частным аудитором своих полномочий вопреки задачам своей деятельности» и т.д.). Подобные конструкции в уголовно-правовой доктрине принято именовать «альтернативными составами» или «составами преступлений с альтернативными признаками» [16, с. 51; 12, с. 177–183; 7, с. 223].

Следует отметить распространенность в действующем уголовном законе уголовно-правовых запретов, в которых описание криминальных проявлений запрещаемого поведения произведено с использованием альтернативного изложения конструктивных признаков. Анализ Особенной части уголовного закона позволяет утверждать, что более чем три четверти диспозиций статей кодифицированного акта обеспечивают альтернативное закрепление признаков основных составов преступлений.

Несмотря на это, вопросам законодательного конструирования анализируемых составов преступлений

в научной среде не уделяется достаточного внимания. Так, В.П. Малков, отмечал слабый интерес исследователей к проблемам законодательной техники формулирования составов преступлений с альтернативными признаками [12, с. 183]. По мнению К.В. Ображиева и Д.С. Чикина вопрос о правилах законодательного конструирования составов преступлений с альтернативными признаками как правило остается за рамками научных исследований [14, с. 106]. В свою очередь, учет особенностей конструирования составов преступлений, нормативно осложненных описанием многомерности проявлений одного или нескольких признаков преступления, представляет существенную значимость для решения вопросов уголовно-правовой оценки сложных преступлений, характеризующихся выполнением нескольких взаимосвязанных сочетаний вариантов криминального поведения.

Становление уголовно-правового запрета закономерно определяется объективными социальными условиями, указывающими на потребность в особой охране наиболее значимых общественных отношений. П.С. Дагель в качестве основных условий, определяющих потребность общества в криминализации, обозначил общественную опасность деяния, степень распространенности таких деяний, а также невозможность успешной борьбы с ними менее репрессивными мерами [6, с. 67–69]. Обеспечение процесса криминализации во многом происходит именно на основании информации, «адекватно отражающей ту социальную и криминологическую реальность...» [3, с. 32]. Как подчеркивала Н.Ф. Кузнецова, законодатель конструирует анализируемые составы преступлений «следуя криминологическим обоснованиям» [10, с. 28]. К.В. Ображиев и Д.С. Чикин, соглашаясь с данным утверждением, отмечают, что для включения в состав альтернативных признаков «должны существовать определенные социальные предпосылки, причем эти предпосылки имеют криминологический характер» [14, с. 108].

В этой связи не вызывает сомнения, что требования к конструированию составов преступлений с альтернативными признаками закономерно определяются условиями криминализации деяний. Так, раскрывая содержание отдельных криминологико-композиционных правил построения составов преступлений, А.В. Иванчин указывает на необходимость адекватного отображения объективной реальности вводимыми в состав преступления признаками: «законодатель, образуя состав, должен отобразить в уголовном законе признаки множества разновидностей одного вида общественно опасного деяния, которые существуют объективно...» [9, с. 117].

Систематизируем основные условия, выступающие социально-криминологическими основаниями констру-

ирования составов преступлений с альтернативными признаками. В качестве таковых, как правило, отмечаются ситуации, когда признаки:

- имеют существенное сходство или однородность, отражая близкий «заряд» (однородный характер и близкую степень) общественной опасности вариантов совершения общественно опасного деяния [11, с. 48; 14, с. 108; 13, с. 250; 8, с. 15];
- являются равнозначными и взаимозаменяемыми в уголовно-правовом значении [5, с. 46; 1, с. 143];
- характеризуют схожие или взаимосвязанные разновидности криминального поведения [8, с. 15; 14, с. 108].

Изложенное демонстрирует, что при конструировании составов преступлений с альтернативными признаками учету законодателя подлежит оценка устойчивости и стабильности сочетаний криминализуемых вариантов совершения преступного посягательства, а также оценка общественной опасности возможных комбинаций таких вариантов. Это означает, что:

1) во-первых, состав преступления с альтернативными признаками должен включать в себя описание наиболее распространенных и устойчивых криминальных проявлений общественно опасного поведения.

При этом, отражая динамичность общественных отношений, законодатель должен следовать принципам краткости изложения и экономии нормативного материала, ведь даже объективно необходимый запрет может быть сконструирован так, что фактически лишает правоприменителя возможности не только применять, но и адекватно понимать содержание нормы [3, с. 163]. Примеры таких изъянов, к сожалению, встречаются в действующем уголовном законе. К наиболее явным из них можно отнести диспозиции ч. 1 ст. 1411, ч. 1 ст. 1421, ч. 1 ст. 1721, ч. 1 ст. 184, ч. 1 ст. 1855, ч. 1 ст. 193, ч. 1 ст. 2005 УК РФ, ч. 1 ст. 2282 УК РФ.

2) во-вторых, общественная опасность разновидностей криминального поведения, описываемых посредством использования альтернативных признаков состава преступления, не должна иметь существенного качественного различия. Это позволяет обеспечить единую оценку общественной опасности нарушения уголовно-правового запрета, совершенного как одним, так несколькими обозначенными в составе преступления вариантами.

Конструирование составов преступлений с учтенной в законе совокупностью разнородных преступных деяний обоснованно критикуется как несоответствующее принципу справедливости и снижающее эффективность борьбы с соответствующими преступлениями [8, с. 15]. Тем не менее, в ходе анализа конструкций уголовно-пра-

вовых запретов отмечаются дефекты, связанные с несоблюдением обозначенного условия.

К примеру, исследователями неоднократно отмечалось, что незаконный сбыт огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему представляет повышенную опасность в сравнении с иными деяниями, описанными в ч. 1 ст. 222 УК РФ [7, с. 228–229]. Указанное обстоятельство законодателем учтено лишь в 2021 году¹. Как отмечено в пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в целях усиления ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия» «сбыт огнестрельного оружия в отличие от приобретения, передачи, хранения, перевозки и ношения характеризуется повышенной степенью общественной опасности»². Аналогичным образом в ч. 2 ст. 213 УК РФ в качестве квалифицирующего признака состава преступного хулиганства законодателем был «переведен» некогда альтернативный конструктивный признак основного состава «с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия»³. В указанном случае в пояснительной записке к соответствующему законопроекту отмечалось, что «применение насилия либо угроза его применения и использование оружия, либо предметов в его качестве представляют собой разные по степени общественной опасности преступные посягательства»⁴.

Рядом исследователей отмечено, что в составе преступления, предусмотренном ч. 1 ст. 238 УК РФ, в числе

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 01.07.2021 № 281-ФЗ // Российская газета, № 146, 06.07.2021.

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в целях усиления ответственности за совершение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1157845-7> (дата обращения: 20.04.2023).

³ Федеральный закон «О внесении изменений в статью 213 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 30.12.2020 № 543-ФЗ // Российская газета, № 2, 12.01.2021.

⁴ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 213 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1074941-7> (дата обращения: 20.04.2023).

общественно опасных деяний, изложенных альтернативно, содержатся деяния, отличающиеся от других по своей общественной опасности, поскольку предполагают наличие специального субъекта преступления (должностного лица органа сертификации, в чью компетенцию входит выдача соответствующих документов). При этом остальные деяния из перечня альтернативных предусматривают их совершение общим субъектом [12, с. 183; 14, с. 112–113]. В числе схожих конструктивных просчетов отмечается фиксация в составе преступления в качестве альтернативных различных временных этапов единого процесса (ч. 1 ст. 110 УК РФ), а также объединение существенно отличающихся признаков, отражающих разнохарактерные криминальные явления (ч. 1 ст. 141 УК РФ) [7, с. 202, 228–229]. Аналогичные упущения законодателя, следуя позиции А.В. Иванчина, содержатся и в ст. 228 УК РФ, поскольку изготовление и переработка наркотиков, по мнению ученого, являются более опасными, нежели их оборот (приобретение, хранение, перевозка) [7, с. 229]. Схожего мнения придерживается В.Н. Винокуров, предлагающий ответственность за изготовление наркотических средств и психотропных веществ предусмотреть в отдельной статье [4, с. 3–4]. Н.Ю. Скрипченко, рассматривая диспозицию ст. 1271 УК РФ, обращает внимание на закрепление в ней различных по смыслу альтернативных деяний с выборочной конкретизацией субъективных признаков. Указанное, как считает исследователь, «дезориентирует сотрудников правоохранительных органов в установлении признаков состава преступления» [15, с. 23–24]. В.П. АLEXИНЫМ критикуется конструкция объективной стороны состава преступления в ч. 1 ст. 205 УК РФ, которая, по мнению исследователя, «юридически ставит знак равенства между реальным наступлением общественно опасных последствий и созданием лишь опасности их возникновения», чем нарушает принцип дифференциации при назначении наказания [2, с. 6–7].

На основании изложенного следует заключить, что процесс конструирования составов преступлений с альтернативными признаками требует от законодателя учета как общих оснований криминализации деяний, так и соблюдения специфических правил построения сложных нормативных конструкций, содержащих описание вариантов преступного поведения. Нарушение обозначенных условий следует рассматривать как игнорирование криминологических оснований построения уголовно-правовых запретов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы теории и практики борьбы с преступностью: сборник очерков / под ред. В.В. Лунеева. — М.: Юрайт, 2010. — 779 с.
2. Алехин В.П. Соучастие в террористической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2008. — 20 с.
3. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. — Москва: Проспект, 2014. — 291 с.
4. Винокуров В.Н. Излишняя детализация диспозиции нормы, предусмотренной ст. 228 УК РФ, как причина проблем при квалификации незаконных действий с наркотическими средствами и психотропными веществами // Наркоконтроль. — 2013. — № 4. С. 3–5.
5. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. — М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. — 316 с.
6. Дагель П.С. Условия установления уголовной наказуемости // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1975. — № 4. С. 67–74.
7. Иванчин А.В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / отв. ред. Л.Л. Кругликов. — Москва: Проспект, 2014. — 352 с.
8. Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления. Автореферат дис. ... докт. юрид. наук. — Екатеринбург, 2015. 50 с.
9. Иванчин А.В. О некоторых правилах образования уголовно-правовых запретов // Юридическая наука. — 2017. — № 3. С. 117–123.
10. Кузнецова Н.Ф. Квалификация сложных составов преступлений // Уголовное право. — 2000. — № 1. С. 25–32.
11. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. — М.: Издательский Дом «Городец», 2007. — 332 с.
12. Малков В.П. Законодательная техника формулирования составов преступлений с альтернативными признаками объективной стороны. Избранные труды. В 3 т. Т. 3. — Казань: Познание, 2011. — 324 с.
13. Мусина Р.Р. К вопросу об основаниях и способах формулирования составов преступлений с альтернативными признаками объективной стороны // Актуальные проблемы экономики и права. — 2011. — № 3 (19). С. 250–254.
14. Ображиев К.В., Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: монография. — М.: Юрлитинформ, 2016. — 184 с.
15. Скрипченко Н.Ю. Уголовная ответственность за похищение человека, незаконное лишение свободы и торговлю людьми: законодательное регулирование и практика применения // Российская юстиция. — 2020. — № 11. С. 21–24.
16. Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. — М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. — 185 с.

© Сальников Николай Вячеславович (n.v.salnikov@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»